

Новые идеи и интересные подходы не оправдывают низкое качество проекта нового Лесного кодекса

Интервью директора по природоохранной политике WWF России, д-ра геогр. наук **Е. Шварца**

Корреспондент: Евгений Аркадьевич, 22 апреля Госдума РФ приняла в первом чтении проект Лесного кодекса, разработанный Министерством экономического развития и торговли. Этот документ вызывает очень большие претензии как у экологов, так и у самих лесопромышленников, на благо которых он, по мысли разработчиков, направлен. Утверждают, что либеральное министерство подготовило, в сущности, реакционный закон, который отбросит лесную отрасль назад. Действительно ли существует противоречие на уровне идеологии между подходами к развитию лесопромышленного комплекса, заложенными в проект Лесного кодекса, и теми, что лежат в основе правительственного проекта среднесрочной программы социально-экономического развития России, которая предусматривает создание условий для современного и эффективного развития этого сектора?

Евгений Шварц: Действительно, на мой взгляд, противоречие существует. Несмотря на достаточно сложные отношения экологов с Минэкономразвития, многое в теоретических основах позиции Г. О. Грефа и его сотрудников вызывает уважение — поэтому мы и сотрудничали с ними при подготовке профильного раздела среднесрочной программы. Они рассуждали так: у нас слабое государство и сильная коррупция, значит, должно быть как можно меньше административного регулирования, что-

© WWF России

© WWF России / Андрей РЫЖКОВ

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

бы было меньше коррупции и больше возможностей обеспечивать учет общественного мнения и его влияние на рыночные процессы — в чем и состоит великая роль общественных организаций. С этим мы, естественно, согласны. Но из поступившего из правительства в Госдуму проекта Лесного кодекса всякое реальное участие общественности (как неправительственных организаций, так и собственно населения) в контроле за лесопользованием исчезло.

К сожалению, между красивыми либеральными идеями Г. О. Грефа и тем, что выдают «на гора» и потом его именем лоббируют его же сотрудники и представители, — дистанция огромного размера. Насколько мне известно, проект Лесно-

го кодекса не поддерживает ни одна бизнес-ассоциация, в частности его не поддерживают ни Торгово-промышленная палата, ни РСПП.

За длительное время я видел только одного руководителя крупной лесопромышленной компании, который заявил о поддержке идеологии этого проекта, а именно директора концерна «Свежа лес», существенная часть акций которого принадлежит «Северстали». Это хорошая компания с профессиональным менеджментом, прогрессивной экологической политикой, но их подход выглядит, на мой взгляд, просто детским: «Вот мы создали компанию, а весь хороший ресурс, оказывается, уже поделен... Давайте изменим порядок, чтобы мы могли перекупить у кого-нибудь ресурс». Попробовал бы он переделить, например, рынок платины... **В цивилизованном мире у бизнеса есть и цивилизованные инструменты переделов рынков и ресурсов¹** — рынки акций, фондовые биржи, кредитные учреждения и т. п. Если загвоздка заключается в коррупции региональных администраций, то с нею, безусловно, нужно бороться. Но складывается впечатление, что кто-то считает или разыгрывает карту иллюзии, что в московских кабинетах коррупции меньше, чем в Нижнем Новгороде и Костроме. И что под этим предлогом очень хочется поругать «дополнительными финансовыми потоками».

Коррупция в регионах, безусловно, существует и играет весьма серьезную роль. Интересный пример: заместитель директора департамента имущественных и земельных отношений, экономики природопользования Минэкономразвития Всеволод Гаврилов, вероятно, искренне считает, что 50–80 % лесопользователей берут лес в аренду на срок до 5 лет только потому, что они временщики и не хотят вкладываться в инфраструктуру лесного хозяйства. Но на самом деле лесопользователям просто никто не дает брать лес в долгосрочную аренду (от 20 до 49 лет), что уже сейчас возможно по действующему Лесному кодексу. Средний срок аренды в северо-западных регионах Европейской России, по нашим данным, напрямую коррелирует с оценками уровня коррупции в тех же регионах по исследованиям *Transparency International* и фонда «Индем». Ведь чем короче срок аренды, тем чаще чиновники могут брать плату за ее продление «под столом».

Решение проблемы состоит в том, чтобы обеспечить прозрачные и равные условия проведения аукционов на аренду лесных площадей. **Причем все требования об экологической и социальной ответственности лесопользователей и арендаторов должны инкорпорироваться в условия аукционов и быть равными для всех участников.** Тогда, с одной стороны, снимутся многие возражения ответственных лесопромышленников и представителей регионов, возражающих против полной отмены конкурсов, а с другой — появится возмож-

ность заменить малоэффективных и не обладающих необходимой степенью экологической и социальной ответственности арендаторов более эффективными и ответственными. Почему этого не было сделано в тексте проекта Лесного кодекса, объяснить трудно.

В реальности проблема состоит в том, что, вопреки утверждениям и иллюзиям руководителей Министерства природных ресурсов, в лесном секторе практически уже не осталось свободных экономически ценных ресурсов. Те леса, о которых говорят, что они не имеют хозяина и нуждаются в нем, на самом деле никакому серьезному частному хозяину не нужны. Единственное исключение — это тот случай, когда создание инфраструктуры лесопользования в отдаленных районах будет оплачиваться из средств государственного бюджета, что, естественно, активно лоббируют некоторые лесопромышленники. Но идти на этот шаг ни в коем случае нельзя — фактически лоббируется «приватизация прибыли» частным бизнесом за счет «национализации издержек» общества. Причем речь идет не о «передовых наукоемких технологиях» в самолетостроении или освоении космоса, где вмешательство государства в рыночную экономику может иметь хоть какую-то политическую или иную мотивацию, а о такой традиционной области, как лесозаготовка в малоосвоенных и неосвоенных регионах севера Европейской России и Сибири, где для такого подхода нет никаких основ-

© WWF России / Николай Дельвин

В лесном секторе практически уже не осталось свободных экономически ценных ресурсов. Единственное исключение — это тот случай, когда создание инфраструктуры лесопользования в отдаленных районах будет оплачиваться из средств государственного бюджета

аний. Государственные инвестиции должны идти в первую очередь на улучшение инфраструктуры и решение социально-экономических проблем староосвоенных и густонаселенных регионов. Только таким образом можно повысить их экономическую эффективность и перейти к интенсивному лесному и сельскому хозяйству.

Лесной сектор в России структурирован не вокруг мебельщиков и производителей фанеры и фурнитуры, которые могут брать лес относительно понемногу, где он есть, и активы которых измеряются десятками и сотнями миллионов долларов. В настоящее время он структурируется главным образом вокруг целлюлозно-бумажных комбинатов, которые потребляют лес в гораздо больших масштабах и чьи активы превышают миллиард долларов. Так

вот — лес, который обеспечивает и потребляется ЦБК, уже в основном поделен.

Поэтому, на мой взгляд, правы, к сожалению, те, кто обвиняет Минэкономразвития в подготовке «кровавого передела» лесного сектора под предлогом привлечения в отрасль новых инвестиций. Чего бояться лесопромышленники, выступающие сейчас против проекта Лесного кодекса? Они опасаются, что все их договоры долгосрочной аренды обнулятся, и им придется конкурировать за право пользования теми ресурсами, которые они, взяв в аренду, уже считали «своими». Получается, что все вложенное ими за предыдущие годы (не считая взяток региональным руководителям и территориальным органам федеральных ведомств) в социальную сферу, инфраструктуру лесопользования, экологию

¹ Зд. и далее выделено Е. Ш. — Прим. ред.

(добровольная лесная сертификация, уменьшение вредных выбросов ЦБК и т. п.) тоже обнуляется. Они боятся, что им скажут: «Спасибо, ребята. До свидания, вы свободны. А теперь мы, передовые либералы и современные макроэкономисты, посмотрим, кто сможет еще раз дать больше денег за этот ресурс».

Скорее всего, больше денег даст не тот, кто уже вкладывался, а тот, кто придет со стороны. И даже примерно понятно, кто это будет: «Северсталь», «Базовый элемент», «Евраз-Холдинг» и другие, которые сделали серьезные деньги на металлургии и в других отраслях, а теперь понимают, что время громадных барьеров прошло, норма прибыли будет неизбежно снижаться, и поэтому стремятся диверсифицировать бизнес. Но почему же не сделать это нормальным, цивилизованным путем — через покупку акций? Тем более что основные вертикально интегрированные лесопромышленные холдинги по завершении «корпоративных войн за собственность» переходят на единую акцию, выходят на мировые фондовые биржи и т. п. Но *Минэкономразвития фактически подталкивает сторонних инвесторов на иной, вовсе не цивилизованный путь*. Не знаю, отдает ли себе отчет министерство в том, в какую игру играет, но фактически своим проектом Лесного кодекса оно помогает, в частности, «Базовому элементу» и принадлежащему ему «Континенталь Менеджменту» приобрести ту собственность, которую они не смогли получить в то время, когда происходила борьба за акции целлюлозно-бумажных комбинатов. Вместо увеличения инвестиционной привлекательности сектора Минэкономразвития фактически подготавливает новый этап войны по переделу собственности в лесной отрасли.

Корр.: Вы полагаете, что у упомянутых Вами компаний хватит денег на то, чтобы действительно перекупить лесные ресурсы у тех, кто сейчас занимается их разработкой?

Е. Ш.: У них хватит денег, чтобы скупить или перекупить часть лесосырьевой базы целлюлозно-бумажных комбинатов, которые после этого станут убыточными или у них просто уменьшится капитализация, и тогда их можно будет купить за существенно меньшие средства.

Корр.: Но ведь разработчики Лесного кодекса и не скрывают, что они стремятся к укрупнению бизнеса в лесном секторе.

Е. Ш.: Мы тоже считаем, что более крупный лесной бизнес имеет более долгосрочные интересы, а значит и более экологически ориентирован. Мы не против укрупнения. Но каким путем и какой ценой? За последние 8–10 лет нам фактически удалось более-менее цивилизовать многие крупные российские лесопромышленные компании. Они, в отличие от Минэкономразвития, живут в реальном, а не в воображаемом мире и поэтому уже понимают, что требования неправительственных организаций к экологической и социальной ответственности производителей являются именно требованиями рынка, а вовсе не провокацией западных лесопромышленных компаний против российских национальных экономических интересов. Российские лесопромышленники гораздо лучше и, самое главное, глубже понимают, что такое

«нетарифные барьеры для российских товаров на мировых рынках», чем самые светлые и амбициозные головы Минэкономразвития. Для них не секрет, что *под страшными словами «нетарифные барьеры» скрываются и девственные леса, и устойчивость лесопользования, и добровольная лесная сертификация, и легальность происхождения древесины, и социальная ответственность лесопромышленных компаний перед местным населением*. Идеологи Минэкономразвития, к сожалению, пытаются строить в России капитализм по безнадежно, минимум лет так на 25–30, устаревшим учебникам. И мировой рынок они соответственно представляют таким, каким он, может быть, и был во времена Адама Смита и Давида Рикардо, но которого в прежнем виде уже давно не существует.

Идеологи нового Лесного кодекса из Минэкономразвития сейчас хотят вместо тех, кто уже более-менее цивилизовался, выпустить на поле новых игроков. При этом они, может быть и искренне, думают, что новые игроки не будут отнимать собственность у старых владельцев, а создадут что-то свое. Не верю! Просто потому, что, повторюсь, несмотря на все рассказы о всего 22,5% использования расчетной лесосеки, никакого экономически ценного лишнего леса нет! Все, что считается излишками, реально недоступно, а все, что экономически доступно, уже используется на пределе возможностей или близко к нему. Рассуждения наших якобы

Сейчас главные точки роста — это производство мебели, фанеры и другой продукции глубокой переработки древесины

специалистов в области лесной промышленности очень просты: если у нас используется только 22,5% от расчетной лесосеки, то мы можем почти в четыре-пять раз увеличить вырубку и построить целых 25 новых ЦБК. Между прочим, стоимость нового ЦБК — более миллиарда (около 1,1–1,2 млрд) долларов. А кто-нибудь поинтересовался, нужно ли рынку столько бумаги? Насколько мне известно, такого типа вложения в Индонезии и в других странах Юго-Восточной Азии привели к тому, что инвесторы не могут полностью вернуть себе средства.

Все больше и больше целлюлозы производят в ЮАР, Бразилии и Чили. Лоббировать выделение на строительство ЦБК халявного миллиарда долларов из средств государственного бюджета или стабилизационного фонда — это одно дело, а вложить миллиард долларов, занятых у частных банков или инвесторов под залог собственности компании, — это, прошу прощения, совсем другое. А если при этом учитывать, что в реальности сырье для целлюлозы в Сибири существенно дороже, чем в Чили и ряде других стран, то оказывается, что это даже теоретически весьма рискованные капиталовложения. А главным «горлышком бутылки» для повышения качества и, соответственно, увеличения стоимости российской целлюлозы является отсутствие крупных инвестиций в улучшение качества продукции действующих и технологически устаревших российских ЦБК, а вовсе не наличие «недоиспользуемых природных ресурсов».

Корр.: А почему обязательно строить ЦБК? Можно же и иначе использовать лесные ресурсы...

Е. Ш.: Именно к этому мы и призываем. На мой взгляд, сейчас главные точки роста — производство мебели, фанеры и другой продукции глубокой переработки древесины.

Экономически это наиболее выгодно. Скажем, фанера одной из красноярских фабрик продается в Англии и, несмотря на огромные транспортные расходы, приносит хорошую прибыль. Но разработчики Лесного кодекса ориентированы на то, чтобы настричь купонов отнюдь не с этого, а с аукционов на аренду лесных участков. Фактически они лишают бизнес возможности инвестировать средства в глубокую переработку.

Проект кодекса направлен на сохранение уже давно исчерпавшей себя экстенсивной советской модели лесопользования. Заместитель директора департамента имущества и земельных отношений, экономики природопользования Минэкономразвития Всеволод Гаврилов в журнале «Профиль» говорит о том, что они рассчитывают, проводя аукционы на понижение вплоть до нуля по труднодоступным участкам лесов, добиться того, что в течение 5–6 лет с момента принятия кодекса объем освоенных лесов увеличится до 30–40 %. То есть вместо того, чтобы стимулировать развитие интенсивного лесопользования на долгосрочной основе в тех регионах, где оно традиционно ведется и где леса в пределах транспортной доступности в значительной части утрачивают экономическую ценность без перехода на интенсивные технологии лесопользования и лесопользования, Минэкономразвития продолжает толкать к освоению удаленных и поэтому сохранившихся девственных лесов! У нас на территории от Пскова до Башкирии до 80 % составляют мелколиственные леса — молодняки, которые, если использовать их по модели Псковского модельного леса WWF России, можно в течение нескольких лет превратить в экономически эффективные. Там не нужно инвестировать колоссальные деньги в транспортную и социальную инфраструктуру и прочее — там все это уже есть, и главное, есть постоянное российское население, которое страдает сейчас и от деградации социальной инфраструктуры, и от отсутствия экономической активности в местах проживания.

Простой пример, который подсказал бывший заместитель министра лесной промышленности СССР Г. А. Ягодников, работающий сейчас в лесном бизнесе. В настоящее время в аренду в России передано около 80 млн га из около 770 млн га лесопокрытой площади, т. е. в аренде находится 10,4 % лесов страны. Очевидно, что уже арендованные леса и являются особо привлекательными для лесопромышленников. При условии ведения только в этих лесах современного интенсивного лесного хозяйства и получения в них всего 3–4 м³ древесины с одного гектара в год они должны в условиях долгосрочной аренды ежегодно производить 240–320 млн м³ древесины. Фактически это более чем в два раза превышает то, что сейчас заготавливается по официальным данным и приближается к максимальным показателям лесозаготовок во времена Советского Союза. Удвоение площади арендованных территорий (т. е. до 160 млн га, или 21 % покрытой лесом площади) даже при производстве только 3 м³ древесины с

гектара в год существенно превысит объемы периода плато максимума заготовок в советское время (352 млн м³ в 1988 году). Дальнейшее увеличение производства круглого леса, скорее всего, просто обрушит рынки, если не инвестировать значительные средства в глубокую переработку древесины.

Очевидно, что лучше стимулировать инвестиции в глубокую переработку древесины, чем субсидировать из государственного бюджета, т. е. за счет тех же самых средств, которые необходимы для инвестирования в социально-экономическую инфраструктуру в наиболее густонаселенных староосвоенных регионах России, освоение наиболее удаленных от существующей инфраструктуры и населенных пунктов лесов, не вырубавшихся даже в советское время. Но из идеологии проекта Лесного кодекса следует, что либеральные экономисты-рыночники до сих пор мечтают об освоении девственных лесов, а осуществлять это придется, видимо, с помощью оргнабора северных корейцев и китайцев, как уже было перед распадом СССР.

При этом нам указывают на Финляндию и говорят, что там во много раз больше рубят и якобы потому, что не существует природоохранных ограничений. Но не надо забывать, что финны рубят не девственные леса, а то, что они целена-

© WWF России / Николай ДЕЛЬВИН

Даже наиболее крупные российские лесопромышленники сейчас не располагают возможностями для переработки мелколиственной древесины, но должны платить штрафы за так называемый недоруб по экономически убыточным видам лесных ресурсов

правленно выращивают уже десятки, если не сотни лет. Они практикуют интенсивную модель лесного хозяйства. А у нас накладывают санкции на компании, если они вырубают меньше определенного процента от расчетной лесосеки даже по экономически убыточным видам лесных ресурсов. Подобное положение пытаются закрепить и в новом проекте Лесного кодекса, причем порог повышается от средних 22,5 до 30 %. Какой в этом смысл?

Доходит до смешного. Даже наиболее крупные российские лесопромышленники сейчас не располагают возможностями для переработки мелколиственной древесины. И вот в Рослесхоз обращается компания «Илим Палп» и просит дать ей возможность не рубить сейчас мелколиственную древесину, а освободившиеся средства вкладывать в развитие новых технологий, которые позволят ей в будущем такую древесину перерабатывать. Сейчас ее импортируют у нас финны, получающие от экспорта в Россию офисной бумаги примерно по 7 долл. прибыли на каждый кубометр березы, которую мы им же и продаем для производства этой бумаги. Какой ответ получает компания в соответствии с буквой и духом проекта Лесного кодекса Минэкономразвития? «Нет! Мы вам в несколько раз повысим арендную плату, если будете рубить менее 30 % расчетной лесосеки по мелколиственным породам. Мы уже разорили несколько компаний в Восточной Сибири штрафами за недорубы мелколиственной древесины. Вы что же, хотите, чтобы к вам был индивидуальный подход?» В принципе закон на стороне Рослесхоза, но по сути-то «Илим Палп» пытается идти в направлении разумного развития бизнеса и повышения экологической ответственности...

Корр.: А что компания должна делать с той мелколиственной древесиной, которую она не может переработать?

Е.Ш.: Она может не рубить, но должна платить штрафы за так называемый недоруб. Кстати, а как определить, осваивается расчетная лесосека на 30,1% или всего только на 29,9%? Нетрудно догадаться, какова будет такса чиновника за доли процента освоения расчетной лесосеки. И при этом руководители Минэкономразвития на полном серьезе утверждают, что проект нового Лесного кодекса является инструментом борьбы с необоснованными административными барьерами, которые провоцируют взятки! Они говорят, что законы должны быть четкими и прозрачными — с этой позиции написан и проект среднесрочной программы правительства. А потом выясняется, что заблокировано внесение от Комитета по природопользованию Госдумы поправки, которая сделала бы закрытым исчерпывающий список возможных случаев ограничения собственником доступа людей в лес. Также блокировались и поправки, запрещающие индивидуальное строительство, возведение зданий и сооружений и прокладку дорог в защитных лесах, т. е. в лесах первой группы и на землях особо охраняемых природных территорий и т. п.

Корр.: А Вы считаете, что никто и ни на каких условиях не должен получать право застраивать лесные земли? Ведь даже согласно пропагандируемой

Вами концепции «поляризованного ландшафта» коттеджная субурбанизация ближних пригородов является объективным процессом. Легализация процветающей торговли земельными участками, объективно существующего «черного» и «серого» оборота наиболее дорогих по реальной стоимости земель должна способствовать уменьшению коррупции и позволит собирать больше налогов. Разве это не так?

Е. Ш.: Ответ очень прост — легализация оборота земель в зонах субурбанизации на практике не требует вовлечения в этот процесс земель Гослесфонда. В нечерноземной зоне Европейской России, особенно после экстенсивной фазы развития сельского хозяйства в советское время, существует избыток сельскохозяйственных земель. После 1958 года, когда колхозники стали получать паспорта и смогли легально переселяться в города, в течение примерно 20 лет лесистость некоторых областей увеличилась более чем на 20%, ежегодно зарастало не менее 1% сельскохозяйственных угодий. За последние 15–20 лет этот процесс существенно усилился. В настоящее время существует большое количество фактически заросших лесом сельскохозяйственных земель, которые все эти годы не переводились в состав земель Гослесфонда. Причем речь идет о староосвоенных территориях, где еще недавно существовали многочисленные деревни, частично сохранилась дорожная инфраструктура и т. п. Фактически единственная возможность возратить людям на эти наиболее благоприятные для них участки — дать официальное, легальное «добро» на использование этих земель для рекреационного и коттеджного строительства. При этом сам вопрос о возможности приватизации земель сельскохозяйственного назначения законодательно уже решен. Требуется только разрешить собственникам

С лесом так или иначе связана жизнь значительной части населения

этих земель менять их целевое назначение — использовать не в качестве базы для убыточного сельского хозяйства, а для экономически эффективного рекреационного строительства. На практике живая природа абсолютно естественным путем сама оценила экономическую эффективность этих земель для сельского хозяйства — на них растет 15–20-летний лес. Даже чисто политически конструктивно решить этот вопрос проще, чем разрешить приватизацию исконно лесных земель. Об этом же свидетельствует и мировой опыт: сельскохозяйственные земли являются частными в большинстве стран мира, а собственно лесные земли — фактически только в трех, где леса имеют существенное экономическое значение.

На мой взгляд, политика Минэкономразвития, связанная с подготовкой и принятием нового Лесного кодекса, к сожалению, работает в первую очередь на отторжение населением и самого понятия частной собственности, и либеральных идей и идеологии в целом. Надо понимать, что до тех пор, пока люди не увидят, что судебные приставы сносят коттеджи на незаконно захваченных землях на Истринском водохранилище и в других местах, обеспечивающих чистой водой московские водозаборы, у них не появится уважение к законной частной собственности. Что же мы видим на практике? О. Л. Митволь «борется» с баней А. Б. Пугачевой. Борьба затягивается, поднимается крик: «Под видом экологии нарушаются права собственника и инвестора!». В этом, безусловно, есть свой резон, потому что если человек купил у риэлтора участок, то почему, когда выясняется, что продажа была незаконной, сносят его дом за его же счет, а не за счет того чиновника, которому риэлтор давал взятку, или хотя бы за счет самого риэлтора? Ведь все фамилии известны, они фигурируют в документах... Очевидно, что все это — чистый пиар, реальное дело никого не волнует. Те, кто это делает, видимо, полагают, что, продемонстрировав некие ритуальные усилия государства по обеспечению законности процесса приватизации, они тем самым заставят людей больше уважать саму приватизацию.

Корр.: Но ведь население не такое глупое!

Е. Ш.: К сожалению, таково представление этих людей о населении собственной страны. Лесные отношения это очень чувствительная сфера. С лесом так или иначе связана жизнь значительной части населения. Но наше государство отказывается понимать, что нельзя действовать по принципу «я вам устрою райскую жизнь, вы у меня будете счастливы, сволочи». Даже если у народа существуют предрассудки, предубеждения, непонимание и т. п., заслуживает ли народ, чтобы его так жестоко ломали? Ведь это же наш народ, а не чужой, не враги же! Во всем мире, прежде чем произвести какие-то существенные изменения в лесных отношениях, год, два, три ведут национальный диалог с их основными участниками, на основании которого и вырабатывается национальная лесная политика. За те два года, которые господ из Минэкономразвития пишут и пропихивают проект Лесного кодекса, можно было уже провести и национальный диалог, и найти аргументы в поддержку и защиту инно-

ваций проекта Лесного кодекса, если такие аргументы действительно существуют. Можно было бы не делать пугала из частной собственности, честно и полностью исключив из текста проекта кодекса все защитные и резервные леса. Можно было не нести бред о том, что нужно осваивать новые территории, когда численность населения страны сокращается, а оставшееся «сжимается» вокруг крупных и экономически успешных городов в основном на юге лесного пояса и в зоне лесостепи...

Когда эпопея с Лесным кодексом только начиналась, мы четко и жестко поставили диагноз — при принятии проекта Лесного кодекса в неизменном виде Россия из ресурсного придатка Европы и Северной Америки неизбежно превратится в ресурсный придаток Китая. Китайская лесная промышленность в настоящее время примерно на 70 % обеспечивается российским лесом, существенная часть которого просто ворованная. Но сейчас уже и китайцы внедряют у себя добровольную лесную сертификацию и даже всерьез начинают думать о том, как повысить устойчивость эксплуатации российских лесных ресурсов — ведь они же инвестируют в их глубокую переработку на своей, китайской, территории. И только Минэкономразвития живет в каком-то абстрактном мире, существующем только в его собственных представлениях, и пытается построить капитализм, который если и существовал лет сто пятьдесят-двести тому назад, то уж точно не существует последние 20–30 лет.

Корр.: Вы думаете, в Госдуме разделят беспокойство экологов и лесопромышленников и поймут, что проект Лесного кодекса нельзя принимать без глубоких и серьезных правок и изменений, тем более что он уже принят в первом чтении?

Е. Ш.: Расслабляться, безусловно, рано, но тем не менее есть основания для того, чтобы не впадать в пессимизм. На заседании Совета Государственной Думы 26 мая 2005 года срок представления поправок к проекту №136515-4 Лесного кодекса Российской Федерации (новая редакция) и к проекту Федерального закона №136524-4 «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» был продлен до 9 июля 2005 года. Это говорит о том, что правительство и Минэкономразвития прислушались к мнению и Совета Федерации, и природоохранных организаций, и бизнеса. Представители WWF активно участвовали в заседаниях рабочей группы Комитета по природопользованию вместе с представителями бизнеса и депутатами, проект ее итогового протокола почти полностью отражает нашу позицию.

Вроде бы удалось наконец найти взаимопонимание и с представителями Минэкономразвития — как мне кажется, они начали слышать наши аргументы. Характерно, что никто из депутатов, за которыми стоит серьезный, реальный лесной бизнес, не поддерживает проект Лесного кодекса в его нынешнем виде. Я не думаю, что мнение тех, кто действительно сумел достичь реальных успехов и результатов, работая в этом секторе, можно трактовать лишь как позицию каких-то аутсайдеров, которые мешают приходу новых инвестиций в лесную отрасль.

Корр.: Если вариант Лесного кодекса, принятый в первом чтении, все-таки пройдет, что мы получим?

Е. Ш.: Во-первых, мы получим неограниченное право арендатора-лесопользователя и, потенциально, будущего собственника закрывать населению доступ в леса. Я даже готов понять такие действия арендаторов: по статистике, большинство лесных пожаров являются следствием людских визитов. Как бороться с пожарами? Патрулирование стоит дорого. Спутниковый мониторинг не развивается, потому что государству это не интересно — Минэкономразвития лоббирует перекладывание всех расходов по борьбе с пожарами на регионы и на лесопользователей, т. е. на лесной бизнес, а спутниковый мониторинг — это явно не его «вахта». Сам собой напрашивается вывод — проще всего огородить лес колючей проволокой. Однако многие из тех, кто живет в лесу, до 80 % своего дохода получают от пользования недревесными продуктами леса, и если хотя бы некоторые арендаторы попытаются закрыть доступ в леса, это вызовет мощный социальный протест. Протесты населения по поводу Федерального закона № 122 о монетизации социальных льгот могут показаться тогда легкой разминкой.

Во-вторых, кодекс в нынешнем виде толкает лесопромышленников на то, чтобы они вели войну с природоохранными организациями по поводу девственных лесов. Хотя если органы государственного управления лесами не провоцируют конфликт искусственно, экологами и промышленниками часто удается договориться между собой к удовольствию обеих сторон. При этом сохраняется природа, процветает бизнес, пополняются федеральный и местный бюджеты и улучшается имидж страны.

В-третьих, если Лесной кодекс будет принят в нынешнем

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

Мы с нашим «круглым бревном» по большому счету мало кому интересны

виде, тогда все, что в экономике развивалось нормальным, более-менее рыночным путем, будет загублено. На первых порах мы получим краткосрочный рост доходов от аукционов, а потом общее ухудшение ситуации в секторе. Произойдет передел собственности, а затем, чтобы окупить расходы, продолжится рост «экономики круглого бревна». Но если учесть, что Россия, которой принадлежит около 25 % мировых лесных запасов, экспортирует всего лишь примерно 3 % от стоимости мировой лесной про-

дукции, а практически весь прирост производства древесины на мировых рынках происходит за счет плантаций, то очевидно, что мы с нашим «круглым бревном» по большому счету мало кому интересны.

Единственный крупный потребитель, кто может покупать его, — это Китай, где до последнего времени были запрещены промышленные рубки. Последнее, однако, не мешало Китаю экспортировать продукцию переработки древесины — в основном за счет поставок ее из России — в объеме примерно на 2 млрд долл. превышающем стоимость всего экспорта продукции лесного сектора из России.

Принимая Лесной кодекс в нынешнем виде, мы консервируем нашу неэффективность и окончательно гробим отечественный лесной сектор. Наличие интересных идей и подходов не может и не должно оправдывать низкое качество проекта нового Лесного кодекса.

Беседу вела Наталья Самовер, ИА REGNUM

